

БРИН ГРИНВУД

Топ-50
психологических
триллеров

Топ-20
криминальных
триллеров

18+

МИМО ОТКРЫТЫХ ОКОН

НЕ ВСЕ ОТКРЫТЫЕ ОКНА СУЛЯТ СМЕРТЬ.
НЕКОТОРЫЕ ВЕДУТ К СВОБОДЕ

Убийство в кармане

Брин Гринвуд

Мимо открытых окон

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гринвуд Б.

Мимо открытых окон / Б. Гринвуд — «Азбука»,
2025 — (Убийство в кармане)

ISBN 978-5-389-32862-4

Как опасно доверять людям... Добрая незнакомка у кофейни предлагает отчаявшейся Беатрис прекрасную новую работу, и та с радостью соглашается – неужели ей наконец-то выпал счастливый лотерейный билет? Вот только после чашечки восхитительного кофе Беатрис теряет сознание и просыпается в чужом доме посреди леса – в доме с решетками на окнах и вооруженными охранниками у дверей. А из коридора на нее смотрит бледное детское личико. Загадочные тюремщики устанавливают правила жизни для своих пленников, жестоко подавляя любое сопротивление. Беатрис всегда была хорошей девочкой и привыкла слушаться других, но теперь она отвечает не только за себя, но и за детей-заложников. И единственный человек, на которого она может положиться, – это она сама.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32862-4

© Гринвуд Б., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	22
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гринвуд Б. Мимо открытых окон. роман

Bryn Greenwood
NOBODY KNOWS YOU'RE HERE
Copyright © Bryn Greenwood, 2025
All rights reserved

© Bryn Greenwood, 2025
© Н. Беляева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

* * *

БРИН ГРИНВУД

МИМО
ОТКРЫТЫХ
ОКОН

Издательство «Иностранка»
Москва

Посвящается пропавшим без вести.

Мы вас помним.

Глава первая

Август 2017 года

Голова болела, во рту пересохло, но спасибо хоть я проснулась не на сдувшемся матрасе на полу. С минуту казалось, что меня сейчас вырвет. Пока тошнота не прошла, я лежала неподвижно, зажмурившись от солнца. Мне не справиться с наступлением утра. Или дня. Или ночи. Мне не справиться с любым временем.

Накануне я отогнала машину к банку. Могла бы подождать, когда ее заберут за долги, но не выношу неожиданностей. Нечаянных новостей. Киноужасов. Вечеринок-сюрпризов. Что за радость, когда люди высказывают из-за мебели и орут во все горло? Ничего смешного. Оставь я всё как есть, однажды утром проснулась бы, а моей машины нет как нет. Поэтому, не дожидаясь от банка письма с угрозами, я сделала то, что сотрудница клиентской службы назвала добровольной передачей имущества.

«Если вернете машину сами, это не слишком испортит вашу кредитную историю», – заверила она меня. Она лукавила, но я не стала уличать ее во лжи. В конце концов, не ее вина, что я потеряла работу и перестала выплачивать кредит за автомобиль.

В главном офисе банка я отдала ключи от машины и, попрощавшись с ней, на пяти разных автобусах добралась до квартиры, за которую задолжала за два месяца – владелец уже предъявил мне требование освободить помещение в трехдневный срок.

Последние несколько кварталов от автобусной остановки я прошла пешком, уставшая и истекающая потом, и возле дома обнаружила сидящего на крыльце Райли.

Он знал, как я ненавижу сюрпризы, и однако явился без предупреждения, чтобы забрать вещи, которые оставил в квартире, когда съехал. Райли выглядел слабее и бледнее обычного, вихры отросли. Как будто жизнь с родителями снова превратила его в подростка.

Напились мы вчера, что ли? Поэтому мне так погано? Неужели переспали? Я пошарила рукой возле матраса, нащупывая телефон, но вместо ковра наткнулась на деревянную поверхность. Тумбочка.

Я сплю. Или перенеслась во времени в тот период, когда еще не успела продать мебель в спальне. Комоды, тумбочка, кровать, матрасы – всё за триста долларов. Достаточно, чтобы оплатить телефон, автомобильную страховку и купить продукты еще на один месяц.

Поскольку путешествие во времени было маловероятным, я открыла глаза, чтобы выяснить, где я.

Симпатичная спальня: светлые обои на стенах, мебель темного дерева, тюлевые занавески на окнах. В последние две недели я писала всем подряд, интересуясь, не найдется ли у кого-нибудь дивана, где я могла бы притулиться, или угла, куда мне позволят бросить мой дырявый матрас, но оказалось, что друзей у меня нет. Одни только знакомые, которые говорили: «Рад бы помочь, но вряд ли мои соседи по квартире согласятся».

Так чей же это дом?

Я могла бы запаниковать, не зная, где нахожусь, но все вокруг расплывалось в тумане. За правым глазом пульсировала зверская боль, и, когда я села, снова накатила тошнота. В открытую дверь виднелась ванная. Свесив ноги с кровати, я встала на толстый узорчатый ковер, покрывающий паркет. Я спала в обуви на чьей-то кровати.

Зажимая ладонью рот, я прошаркала в выложенную желтой плиткой ванную с сантехникой персикового цвета. На обоях красовались тропические цветы с прячущимися тут и там розовощекиными неразлучниками. Встав на колени перед унитазом, я мысленно составила описание того, что находилось в поле зрения. Потрескавшийся кафель на стене, раскрошившийся цемент между плитками на полу, протершийся до меди хром на ручке спуска. Все старое, но чистое. На бачке стоят в ряд полноразмерные бутылочки со средствами для душа. Значит, не отель.

В конце концов меня так и не вытошнило. Также я не вспомнила, где нахожусь. Вымыв руки, я попила из крана: меня мучила жажда. Потом снова направилась в комнату, чтобы взять телефон. Только вот моей сумки с мобильником и ноутбуком нигде не наблюдалось. Под гул головной боли я попыталась мыслить логически. Отсутствие сумки означало отсутствие телефона, а также бумажника, паспорта и денег, которых и так кот наплакал. Я села на край кровати, пытаюсь припомнить, что случилось после появления Райли, но остаток того дня тоже тонул в тумане.

Когда ноющая головная боль стала стихать, растерянность превратилась в тревогу. Я проверила все выдвижные ящики в комнате, предположив, что сумка может быть в одном из них, но там лежала лишь чья-то одежда.

В комнате были еще две двери. За одной находился стенной шкаф, вторая не открывалась. Я подергала дверную ручку, сначала осторожно, потом сильнее, стараясь понять, как отсюда выйти. Наверняка я кручу ручку неправильно, поскольку плохо соображаю. Должно же быть безобидное объяснение, почему моей сумки здесь нет, а я заперта.

Я постучала в дверь и окликнула:

– Эй, кто-нибудь!

Мне не ответили.

Продолжая дергать ручку и давить плечом на дверь, я размышляла, насколько сильно надо толкнуть, чтобы вышибить ее. Такое показывают по телевизору, но это не дает ни малейшего представления, как нечто подобное проделать в реальной жизни. Кроме того, это... просто беспредел. Грохот. Агрессия. Вандализм.

Стало темнее. Значит, сейчас не утро, а вечер.

Я подошла к окну и раздвинула занавески. Комната находилась на втором этаже, окно смотрело в просторный, обнесенный забором двор. За ним, там, где я ожидала увидеть очертания небоскребов Канзас-Сити, были одни только деревья. Глядя на закат, я вдруг заметила на окне решетки. Черные железные решетки сверху донизу на обоих окнах. Окошко в ванной тоже оказалось зарешечено.

– Проголодалась? – раздался женский голос.

Я бросилась назад в комнату, но там никого не оказалось. Зато возле двери в стену обнаружился вмонтированный маленький металлический динамик.

– Талия? – спросила я. Имя без труда пришло на память.

– Да или нет? – спросила женщина.

Нет, у Талии британский акцент. А обладательница этого голоса кажется американкой.

– Да, проголодалась.

Если эта женщина принесет еду, ей придется открыть дверь. Я смогу увидеть обладательницу голоса, поговорить с ней, выяснить, где я.

– Сядь за стол лицом к двери и жди.

Приказ. Я заперта и получаю приказы. Значит, я здесь не на правах гостя.

Как же я тут очутилась?

Наверняка не обошлось без Талии. После ухода Райли я отправилась в кофейню, потому что она ближе, чем библиотека, а день уже тогда был мучительно жарким. Примерно в течение часа я составляла рабочее резюме, затем ко мне подошел бариста и сказал: «Вайфай только для клиентов. Собираетесь что-нибудь заказывать?»

Я не собиралась. Слишком пристыженная, чтобы спорить, я извинилась и сбежала с виноватым лицом. На выходе я столкнулась с незнакомой женщиной и снова рассыпалась в извинениях. На улице я выругалась и заплакала, но бариста был ни при чем: бизнес вылетит в трубу, если позволять людям, у которых нет денег даже на кофе, занимать столик и пользоваться бесплатным вайфаем.

Шмыгая носом, я сидела на тротуаре со своим ноутбуком. Мне было очень стыдно, но я воровала вайфай через стену кофейни. Тут ко мне подошла женщина, на которую я натолкнулась.

– Как вы, милочка? – поинтересовалась она. – Я слышала, как бариста вас отшил. Ушлепок малолетний.

– Все в порядке, спасибо. Он не виноват.

– И все равно ушлепок. Вы никому не мешали. Кстати, меня зовут Талия.

Белая, где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью, с седой прядью в темных волосах. Комплект из кардигана и джемпера, несмотря на жару, а еще красная губная помада и обилие золота. Незнакомка протянула мне руку с наманикюренными ногтями, и я сочла себя обязанной пожать ее своей неопрятной лапкой почти бездомной девицы.

– А я Беатрис.

– Вы явно расстроены, Беатрис. Не хотите рассказать мне, что случилось?

Я сомневалась, хочу ли, но впервые за несколько недель не чувствовала себя невидимкой.

Что я рассказала Талии? Всё? Она купила мне кофе – большой пенный глянсе с шапкой из взбитых сливок, какого я не пила много месяцев, – и мы сидели в ее машине, пока я излагала свою слезливую историю.

– Не волнуйтесь, милочка. Сдается мне, у меня есть для вас работа, – улыбнулась Талия, и в конце длинного темного туннеля будто бы блеснул свет. Разве не любая работа начинается с предложения от незнакомого человека?

Часов в комнате не было, но, думаю, я просидела за столом минут десять, пока не услышала, как отпирается дверь. Появилась тележка вроде тех, на которых привозят еду в гостиничный номер. Ее катила незнакомая женщина: оливковая кожа, русые волосы, на вид слегка за сорок. Можно было бы назвать ее симпатичной, но лицо у нее казалось каким-то потасканным. Она была в джинсах, домашних тапках и в длинной серой кофте.

– Положи руки ладонями на стол, – приказала она.

Я повиновалась, и женщина, закрыв дверь, сняла с тележки поднос и поставила передо мной. Потом покатила тележку назад к двери.

– Где я?

– Здесь. Больше тебе знать не нужно. Будешь няней. Если станешь выполнять свою работу, все будет хорошо. Если не станешь, будет плохо. Поняла?

– Нет. Ничего не поняла.

– Ешь свой ужин.

Она выглядела недовольной, что меня разозлило. Это я заперта в комнате, так почему же раздражается она? Женщина опустила руку в карман кофты и покрутила что-то спрятанное внутри. Мобильник? У нее мой телефон?

– Я хочу получить свой телефон и уйти, – как можно тверже произнесла я, но до меня стало доходить, что, вероятно, это вовсе не простое недоразумение. Кажется, меня похитили.

– Мы больше чем в ста километрах от ближайшего жилья, и никто не знает, что ты здесь. Попробуешь сбежать – умрешь. Это для ясности. Они не любят проблем. Так что оставайся и работай, или тебя убьют.

– А кто это – Они?

– Опасные люди. Я работаю на Них. Теперь и ты тоже. У тебя есть несколько дней до приезда детей. Я буду приносить тебе еду. Ешь и отдыхай. Через пару дней я покажу тебе твою зону.

– Какую зону?

Я пыталась осознать сказанное: меня убьют, если я не стану подчиняться. Какие-то опасные люди. Они.

– Пока твоя зона – этот этаж. Здесь будешь жить ты, в соседних комнатах – дети, дальше по коридору класс и столовая, – объяснила женщина.

– Дети? Значит, их несколько?

– Столько, сколько Они присылают. Одежда в комодке предназначена для тебя. В ванной есть всё для душа. Если тебе что-то нужно – в пределах разумного, – скажи мне. Ясно?

– Я хочу поговорить с Талией, – заявила я.

Женщина рассмеялась.

– Это невозможно. Талия – вербовщица. Она ищет неудачников, которых Они могут использовать. Вот и нашла тебя. Свою работу Талия сделала, больше ты ее не увидишь.

– Можно мне... можно позвонить родным? Успокоить их, что со мной все в порядке. Чтобы они обо мне не волновались.

Она рассмеялась еще пуще, но прекратила, как только я встала из-за стола. Словно завернули кран с текущей водой.

– Сядь. – Женщина бросила мне предупреждающий взгляд.

Вставая, я не имела агрессивных намерений, но, раз уж мы разговариваем, хотела быть на равных. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом я села.

– Хочешь папочке позвонить? – усмехнулась женщина. – Которому наплевать, что ты стала бездомной. Думаешь, он за тебя переживает?

Неужели я рассказала об этом Талии? Мысль о том, что я выложила подобные секреты чужому человеку, меня ужаснула. Настолько, что я не могла больше сидеть напротив этой женщины, глумящейся надо мной. Изнутри на двери замка не было – я заметила это, когда пыталась открыть ее, – а значит, она сейчас отперта. Что сделает эта курица, если я выйду?

Я встала и шагнула к выходу. Она вынула предмет, которым поигрывала в кармане, и направила его на меня. Это оказался не телефон, а электрошокер. Меня ударило в живот, будто ужалила электрическая пчела, и все тело свело судорогой. Пол устремился ко мне, и я грузно рухнула на ковер у кровати. Руки и ноги одеревенели, а жжение и онемелость распространились от живота в грудь.

Когда боль стихла, я осталась лежать на полу, хватая ртом воздух и плача. Женщина не двинулась со своего места у двери. Она смотрела на меня сверху вниз, сматывая провода электродов шокера.

Позади нее распахнулась дверь, и в комнату ступил мужчина. Он был высоким, могучего телосложения, в брюках карго, заправленных в сапоги военного образца, и синей атласной спортивной куртке.

– Говорил же тебе, что она будет брыкаться. Рыжие – они прыткие, – проворчал он, наклоняясь, чтобы посмотреть на меня.

Честно сказать, я не чувствовала особой прыти, валяясь на полу не в силах пошевелиться.

– А я тебе говорила, что приструню ее. Разве я не справилась?

– Ловко ты ее.

– Иди.

Мужчина пожал плечами и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Когда он отвел руку, пола куртки распахнулась и под мышкой обнаружилась кобура. Мой отец увлекался стрелковым оружием, и я росла в окружении пистолетов, но видеть ствол в ситуации, где я совершенно беспомощна, где мне уже угрожали смертью, было так страшно, как и не снилось. Я не могла унять дрожь, то ли от ужаса, то ли от последствий удара током.

– Лучше не зли меня, мелкая истеричка. Делай, что я говорю, и будешь в ажуре. Станешь артачиться, и Они пошлют тебя в место похуже. – Женщина открыла дверь, выкатила из комнаты пустую тележку и закрыла дверь.

Слезы иссякли, дрожь прошла, но я так и лежала на коврикe, пока солнце не село, не оставив на небе даже слабого проблеска. В темноте я подползла к двери и подергала ручку.

Заперто. Рядом с дверью, под динамиком, находился старый кнопочный выключатель, и, когда я щелкнула им, над столом зажглась подвесная лампа.

В полном отупении я села за стол и сняла крышку с подноса с ужином. Там оказались тарелка с сэндвичем, миска картофельного салата, миска винограда и тарелка с двумя шоколадными печеньями. Пустой пластиковый стакан лежал на боку между мисками. Я так проголодалась, что руки дрожали. За последние два дня я съела только злаковый батончик и сэндвич с арахисовым маслом и джемом. И выпила кофе, который купила мне Талия. Который я с такой благодарностью потягивала, сидя в ее машине.

По крайней мере, теперь я знала, как оказалась здесь. Талия явно что-то подсыпала мне в кофе – солидную дозу, чтобы выключить меня на целый день. Может быть, эта другая женщина тоже собирается накачать меня какой-то дурью. Я обошла комнату вокруг, пытаюсь выяснить, есть ли надежда на побег, но дверь была закрыта, а окна забраны решетками. Единственный свет, кроме сверкания звезд, исходил из окон на нижнем этаже. В остальном снаружи было совершенно темно.

Поскольку путей побега не обнаружилось, я обыскала комнату в поисках предмета, который можно использовать как оружие. В ванной из всех необходимых принадлежностей отсутствовала только бритва. Под кроватью ничего не нашлось. В стенном шкафу хранились дополнительные одеяла и висела дюжина пластмассовых вешалок. Я прикинула, что, если прижмет, они могут стать средством защиты. Не обязательно для меня, но и для кого-то еще. Стул был крепкий, но пригодился бы для нападения лишь на неготового к неожиданностям человека, а мои тюремщики наверняка всегда настороже.

Путей побега нет, оружия нет, зато есть волчий голод.

Я наполнила пустой стакан из-под крана в ванной и приступила к ужину, который был лучше, чем в благотворительной столовой. Сэндвич с индейкой, латуком, помидором и майонезом на свежем хлебе я разобрала слой за слоем, а потом снова сложила. Пропитать сэндвич снотворным представлялось сложным, поэтому я первым делом принялась за него и быстро съела.

Картофельный салат выглядел домашним и еще не остыл, но если мне что-то подсыпали, то именно в него. Печенья были покупные, так что, скорее всего, не представляли угрозы. Что касалось винограда, то оставался вопрос, можно ли накачать его препаратами. Но я все равно съела виноград, поскольку в благотворительных столовых никогда не давали свежих фруктов.

Закончив есть, я стала ждать. Страх неожиданностей заставил меня лихорадочно перебирать в голове сценарии. Вернется ли женщина? Вернется ли мужчина с пистолетом? Размышляя об этом, я оттащила стул от стола и подперла спинкой ручку двери. Пусть они удерживают меня внутри, а я буду удерживать их снаружи.

Потом я проверила, есть ли в комнате камеры, поскольку казалось весьма вероятным, что люди, которые меня усыпили и похитили, будут следить за мной. Потратив до смешного много времени, вглядываясь в каждый винтик и проводя пальцами по каждому темному пятну на мебели, я сдалась. Если камеры тут и есть, их не видно.

В конце концов я сделала то, что делают даже в негостеприимных отелях: почистила зубы и приняла душ. Казалось, я не мылась больше двенадцати часов. Средства для душа выглядели дорогими, надписи на всех упаковках были на японском. Ну не в Японии же я; это явно отвлекающий маневр, чтобы сбить меня с толку. Рядом с шампунем и гелем для душа лежала коробка с тампонами и коробка с прокладками. На них этикетки были на английском, французском и арабском.

Кто-то очень тщательно подготовил комнату для меня, вплоть до одежды моего размера в ящиках. Два комплекта пижам, три футболки с длинными рукавами, две пары легинсов, пара эластичных брюк хаки плюс нижнее белье, бюстгалтеры и носки. На вид все новое, но со срезанными этикетками.

Раздевшись под лампой в ванной, я нашла на теле как минимум десяток синяков, длинную ссадину на спине, фиолетовый квадратик в районе таза и темные кольца вокруг запястий. Кроме ярко-красного следа от электрошокера на животе, имелись три круглых кровоподтека на правом бедре с небольшой корочкой посередине каждого. Значит, Талия опоила меня, а потом мне сделали инъекции? После этого меня, видимо, погрузили в машину и отвезли в дом в лесу, явно не заботясь о том, чтобы обращаться со мной осторожно. Мужчина с пистолетом?

Желая быть во всеоружии перед тем, что последует дальше, я выбрала вместо пижамы хаки и футболку. Даже натянула носки и туфли. Потом, полностью одетая, села на край чужой кровати, стараясь приготовиться к неизвестному. По привычке я попыталась нашарить в кармане телефон, но мобильник пропал, а у брюк даже не было карманов.

В углу возле двери стоял книжный шкаф. Половина книг – «литературные памятники», которые никогда не открывали, а остальное – бестселлеры в твердых обложках за последние лет пять, в основном детективы и триллеры. Я выбрала детектив без единого намека на место покупки: ни ценника, ни экслибриса, ни вложенного между страниц чека. Я прочитала несколько глав, пытаясь не уснуть, но то и дело клевала носом. От каких-то препаратов или от утомления – бог весть.

Бросив попытки вчитаться, я села, зевая и ожидая внезапного и злонамеренного появления загадочных субъектов, которых женщина называла «Они». Они привезли меня сюда. Они могут отослать меня в место похуже. Они могут меня убить.

В конце концов я изнурила себя беспокойством. Насколько я могла догадываться, было уже за полночь. Свет на первом этаже давно погас. Никто не приходил.

Я задремала, но вскоре резко проснулась, вся дрожа и шурясь от света. Встала выключить лампу и проверила запертую дверь, зная, что веду себя глупо. Потом сняла туфли, отогнула одеяло и забралась под него. Божественно. Мягкий матрас, хрустящее чистое белье, большие пухлые подушки. Целую минуту я взаправду чувствовала благодарность. Пока не вспомнила, что дверь заперта, а за окнами, куда хватает глаз, раскинулся темный лес.

Глава вторая

Когда, оставив машину возле банка, я добралась домой, Райли ждал меня на крыльце, сияя улыбкой, когда-то казавшейся мне милой. Нездешней. Теперь это была улыбка человека, задолжавшего мне за аренду тысячу долларов, которую он не собирался возвращать. И все равно я обрадовалась бывшему, даже обняла его, вот как мне было одиноко. Райли источал незнакомый запах стирального порошка, которым пользовались его родители.

Насколько я понимала, после окончания университета мы с ним сложили все яйца в одну корзину. Жили вместе, работали вместе и так далее. Но когда стартап провалился и мы оба потеряли работу, я поняла, что у Райли всегда есть запасная корзина. Та, в которой для меня места нет.

Мы вошли в квартиру, я показала ему, где свалены его вещи, – в кухонном уголке, пустовавшем с тех пор, как я продала стол и стулья. Остались только составленные друг на друга коробки и дорогой геймерский монитор.

– Странно, что ты не продала мой монитор, – удивился Райли. – По доброте душевной?

Если я относилась к кому-то по-доброму, Райли считал, что из меня выют веревки, и называл меня Бемби. Имелось в виду: «Хватит быть безотказной и позволять людям использовать тебя». Но когда он сам меня использовал, это считалось в порядке вещей, тут моя «доброта душевная» не была помехой.

Это даже не он придумал про Бемби. Я совершила ошибку: рассказала ему, что отец стал называть меня так после того случая, когда я отдала свое новое пальто однокласснице, у которой не было никакой теплой одежды. «Ты растишь Бемби», – сказал тогда отец матери.

Теперь, с опозданием на несколько лет, я увидела, что из Райли растили такого же человека, как мой отец. Что там противоположно Бемби? Эгоист. Черствый поганец, всегда остающийся в выигрыше.

Мне не пришлось в голову продать монитор Райли, потому что я действительно была доброй. По крайней мере, с виду – в душе-то я всегда находила, к чему придаться в людях. Кроме того, мне и хотелось быть доброй, поскольку в противном случае я и с виду была бы злою. То есть стала бы как мой отец.

Особенно раздражало то, что прозвище Бемби даже не подходило для оскорбления. Вряд ли отец или Райли вообще видели этот мультфильм. Им было невдомек, что Бемби – мальчик и в детстве его готовили к роли лесного принца. Оба просто имели в виду, что я слабая, хотя я никому не позволяла вытирать о себя ноги. Вот и помогать Райли носить вещи в машину не стала. Правда, стоять посреди кухни в бездействии, пока он бегаёт вверх-вниз по жару, оказалось мучительно.

Когда осталась последняя коробка, я ожидала, что он возьмет ее и быстро уберется с глаз долой. Вместо этого мой бывший еще несколько минут топтался, с прищуром глядя в телефон.

– Слушай, ты переименовала вайфай? – спросил он.

– У меня больше нет вайфая.

У меня многого больше не было.

– То есть... – Кажется, он лишь сейчас заметил, как пусто в квартире, которую мы называли домом в течение двух лет. – Ты съезжаешь?

– На следующей неделе.

Если я не уеду сама, управление шерифа устроит мне вечеринку-сюрприз.

– А, ты расторгаешь договор аренды?

– Нет.

Был момент, когда я могла напустить на него. Выместить обиду за долгие месяцы безысходности и тревоги, пока мой счет в банке таял, а счета множились. Однако нужные слова

не приходили на ум, даже те, что я без конца прокручивала в голове, пока не отточила до бритвенной остроты.

– Ну, дай мне знать, куда переедешь, ладно? – обронил он.

– Хорошо.

Я не сказала: «В приют для бездомных, если повезет и для меня найдется место». Мое имя значилось в списке ожидания в трех разных приютах. Все они были переполнены. Когда я пожаловалась на это своей подруге Джине, та ответила: «Да все у тебя будет хорошо. Найдешь что-нибудь. Наладится». Но не предложила ночевать пока у нее на диване. То ли считала, что я преувеличиваю, то ли просто предпочла отвернуться и не замечать моего бедственного положения.

Я не боялась оказаться в приюте: в одном из них мне уже случалось жить. Я боялась оказаться на автобусной остановке. Или в парке на скамье. Или в картонной хибаре возле помойки.

Когда Райли уходил в первый раз, я, заливаясь слезами, сошла за ним по лестнице и проводила взглядом, пока он не сел в машину. На сей раз, как только он ступил на площадку, я захлопнула дверь и заперла ее. Я любила его, а ему просто было со мной удобно. Худо ли, когда кто-то покупает продукты, оплачивает половину счетов, убирает в квартире, да еще и не прочь заняться сексом. Ну чисто Бемби.

Теперь мне нужно было перенаправить энергию добра на себя. Подходя к кофейне, я надеялась на чудо. И тут появилась Талия с ласковыми словами. Талия с «мерседесом», где работает кондиционер. Талия с отравленным кофе.

Я выложила ей все то, что должна была сказать Райли. Потом то, что мешало мне спать по ночам. Что меня не принимают на низкооплачиваемую работу из-за высшего образования, поэтому мне не удалось устроиться ни в торговлю, ни в общепит. Что при попытке устроиться на более высокооплачиваемые места меня изнуряли многочисленными собеседованиями, но в итоге выбирали другого кандидата. Что те, кого я считала своими друзьями, пропали, когда я нуждалась в них больше всего.

Талия обнимала меня, ее золотые браслеты брэнчали, соприкасаясь с моей спиной.

– А как же ваши родные? – спросила она. – Они не могут ненадолго приютить вас? Пока вы снова не встанете на ноги.

Испытывая странное головокружение, видимо из-за того, что раскрыла все свои секреты, я включила ей запись с автоответчика – недавний выговор от отца: «Беатрис! Мне звонила Синтия и сказала, что волнуется за тебя. Что ты оставила у нее на телефоне сообщение, которое ее встревожило. Надеюсь, ты не просила у нее денег. Она тебе больше не мачеха, и не смей нагружать ее своими проблемами. Вместо того чтобы просить подаяния, тебе следует обивать пороги в поисках работы. Распечатай стопку резюме и методично обходи те организации, куда хочешь устроиться. Нечего ждать, когда тебе позвонят. Взрослая жизнь трудна. Ты должна нести ответственность за себя. И за образование хореографа. С тем же успехом ты могла бы освоить подводное корзиноплетение. Нужно было выбирать более практичную профессию, например учителя или маркетолога. К тому же ты позволяешь своему парню вытирать об тебя ноги. Сама виновата в своих проблемах. Принимай более разумные решения. Позже поговорим».

– Речь отъявленного засранца, – заключила Талия.

Меня при этом рассмешили два обстоятельства: во-первых, она назвала моего отца засранцем, а во-вторых, ее акцент казался все более фальшивым, чем дольше я ее слушала. Не прекращая смеяться, я зевнула.

– Вы согласны?

– Отъявленный засранец, – повторила я.

– Дайте мне ваш телефон. Я поставлю его на зарядку.

И я отдала ей мобильник, размякнув оттого, что кто-то, пусть даже незнакомка, обо мне заботится.

– Значит, в университете вы изучали танец? – спросила Талия.

– И современные языки.

– Ах, вы знаете языки?

– Испанский, французский, корейский и немецкий – в таком порядке по степени беглости речи.

Мне стало неловко, что я будто бы хвастаюсь, и я покраснела; голова кружилась. Мы ехали. Она везет меня домой? Не помню, чтобы она заводила машину, но мы ехали.

– Впечатляет. Большинство американцев говорят только по-английски. Вы, видимо, много путешествовали?

– Нет. Это дорого. Была только в Мексике и Канаде. А куда мы едем?

– В мой офис, поговорить о работе.

Я хотела спросить, далеко ли ее офис, но не смогла открыть глаз.

– Вот и умница. – Талия похлопала меня по ноге. – Пospите.

Глава третья

Когда я проснулась, стоял день. Я потянулась за телефоном, но рука скользнула по верху тумбочки и ничего не нашла. Мобильник у меня был с четырнадцати, почти десять лет подряд, и странно было оказаться вдруг без него. Все равно что проснуться с лапами вместо рук. Я села и попыталась рассуждать логически. У меня отобрали и телефон, и ноутбук, значит, я отрезана от общения с кем бы то ни было. Дверь на замке, окна за решеткой. Меня накормили. Слова женщины не вязались со здравым смыслом. Если я пленница, то почему камера такая уютная? Что Они собирались со мной делать? Кому надо похищать человека, чтобы нанять няню?

Я бросила попытки найти логику, вылезла из кровати и пошла в ванную. Звук смываемой в унитазе воды, видимо, оповестил мою тюремщицу, что я проснулась, поскольку она объявила завтрак, сказав в интерком:

– Сядь за стол.

Я прикинула, что произойдет, если я оставлю стул под дверной ручкой. Вероятно, явится бугай с пистолетом. Я убрала стул. Помня об электрошокере, села за стол и положила на него ладони. Установленный распорядок, даже такой извращенный, как этот, всегда придавал мне уверенности. Вошла та же женщина с тележкой, на сей раз одетая в красную кофту. Она вынула из кармана электрошокер.

– Усвоила вчерашний урок? – спросила она.

Я вздрогнула и на случай, если этого недостаточно для ответа, подтвердила:

– Да.

– Хорошо. Направишься ко мне или мне не будет видно твоих рук, и я шарахну тебя снова.

Спрятав электрошокер, она подняла крышку подноса со вчерашним ужином и нахмурилась:

– Что не так с картофельным салатом?

– Я подумала, – мне было стыдно вслух признаться в этом, – что вы туда что-то подсыпали.

Она фыркнула.

– Мне не нужно тебя усыплять. Идти тебе некуда. Где стаканчик?

– Оставила его себе, чтобы пить.

– Я буду каждый раз приносить новый. Его нужно возвращать с подносом.

Новое правило.

– Принести его? – Я оставила стаканчик на краю раковины.

– Нет. Положишь его на этот поднос, когда все съешь.

Она поменяла вчерашний поднос на новый и покатила тележку к двери одной рукой, держа вторую в кармане.

– Подождите, – окликнула я. – А что мне делать?

– Пока не приедут дети, ничего. Считай, что у тебя каникулы. Ешь, спи и читай. – Ее взгляд метнулся к роману на тумбочке.

– Спасибо. За завтрак.

Она закатила глаза и проворчала:

– Не старайся. Я знаю все фокусы. Сама их пробовала.

– Меня зовут Беатрис.

– Я знаю, как тебя зовут.

Видимо, у нее моя сумка с водительским удостоверением и паспортом.

– А вас как зовут?

– Тебе не нужно ни с кем обо мне говорить.

– Должна же я как-то вас называть.

Женщина раздраженно вздохнула, но ответила:

– Можешь звать меня Исабель.

Как только она ушла и заперла дверь, я сняла крышку с подноса. Завтрак состоял из яичницы-болтуни и жареных колбасок, немного остывших, теплого черничного кекса и разделенного на дольки клементина в миске. Между тарелками лежал новый пластиковый стаканчик.

Ей не нужно меня усыплять, сказала она, хотя могла и солгать, но дверь запрета, а у охранника пистолет. Я поела и стала расхаживать по комнате, ища, за что уцепиться. Хоть какие-то детали, которые намекнут мне, где я нахожусь и кто такие Они. В кино обязательно находится зашифрованное сообщение, нацарапанное на каркасе кровати или под столом, либо секретные заметки, наспех сделанные в книгах. Я проверила всю мебель и пролистала книги, но ничего не обнаружила.

Потом прибыл обед, я вернула оба использованных стаканчика и получила новый. Узница с примерным поведением. Бемби.

– Чьи это книги? Те, что поновее. Ваши? – поинтересовалась я, когда Исабель меняла подносы.

Она не ответила.

– Куда отдавать белье в стирку? – попыталась я вывести ее на разговор.

– Тебе нужно что-то постирать прямо сейчас?

– Нет. Спрашиваю на будущее.

После ужина она принесла корзину – холщовый мешок на колесиках, – которую закатила в стенной шкаф, пока я сидела за столом, держа руки на виду.

– Когда приедут дети? – спросила я.

– Через несколько дней.

– Вы сказали, здесь есть классная комната. Можно ее посмотреть? Чему я должна буду учить?

– Можешь учить их хоть тарабарскому языку, мне без разницы, – бросила Исабель, но у дверей оглянулась на меня. – Пойдем.

Не вынимая одной руки из кармана, она придержала другой дверь, пропуская меня вперед. Едва ступив в коридор, я поняла, что никак не смогла бы вышибить дверь. Внутренняя ее часть была деревянной, но внешняя обшита металлом и запиралась на три железных засова, которые располагались поперек от края до края. Как в старой психиатрической лечебнице. Возможно, это она и есть.

Прямо напротив моей комнаты находились две жалюзийные двери.

– Это прачечная. – Потом Исабель указала в конец коридора: – Последняя дверь слева – классная комната.

Я двинулась по коридору, пытаясь ухватить взглядом как можно больше. Справа было еще три помещения с такими же прочными дверьми, как у меня. Слева, за прачечной, размещалась столовая. Внутри стоял стол с шестью стульями. В углу – большой шкаф с единственной дверцей и стеклянным оконцем. За столовой находился класс, примерно в два раза больше моей комнаты. Он напоминал учебное помещение начала двадцатого века: четыре парты и учительский стол из массивного темного дерева. Встроенные книжные шкафы занимали внутреннюю стену, позади учительского стола на меловой доске висела карта мира. Некоторые учебные материалы, включая ту же карту, явно устарели, но были и новые, например стопка сборников задач по математике, упакованных в прозрачную пленку.

На всех окнах стояли решетки.

– Как я понимаю, они хотят, чтобы папочка этого мальчишки был доволен. Будто бы ребенок ходит в частную школу или типа того, – сказала Исабель.

Я неплохо различаю акценты, но ее выговор не смогла распознать. Явно не нормативное произношение: в нем было намешано всего понемногу, но громче всего звучал цинизм.

– Еще кое-что тебе покажу. Чтобы удовлетворить твое любопытство. – Она жестом велела мне идти впереди нее, мимо столовой, потом мимо моей комнаты. Вернее, не моей, а той, в которой меня заточили.

В конце коридора, где должна была располагаться лестница, оказалась большая железная дверь с ригельным замком и электронной панелью. Я предположила, что снаружи запоров еще больше. В углу висела камера наблюдения, направленная на дверь и на часть коридора.

– Это единственный выход со второго этажа. Он всегда заперт, даже если я здесь. Сбежать ты не сможешь, так что даже не думай об этом. Если попытаешься дать деру или напасть на меня или если вообще будешь плохо себя вести, для тебя это добром не кончится.

– Меня убьют? – спросила я.

– Вот именно. Выполняй свою работу, и будешь цела.

Мудрые советы Исабель не сильно отличались от напутствий моего отца.

Глава четвертая

За следующие четыре дня я усвоила и другие правила, которым должна была следовать. Некоторые из них я постигала на горьком опыте, например, что делать, когда Исабель поднимается на этаж. Стук в дверь моей комнаты был всего лишь предупреждением, а не признаком вежливости. Услышав его, я должна была немедленно сесть за стол и ждать ее появления. Однажды я совершила ошибку: когда Исабель постучала, я чистила зубы и решила закончить процедуру, вместо того чтобы тотчас же, с полным ртом зубной пасты, бежать за стол, а потому, когда дверь открылась, я была на пути от ванной к столу и мгновенно получила удар током.

Если, находясь за пределами своей комнаты, я слышала, как открывается дверь с лестницы, я должна была выйти в коридор, чтобы Исабель меня видела. Она пригрозила, если я не стану подчиняться, отправить кого-нибудь «разобраться со мной». Мордворота с пистолетом как пить дать. Однажды, выйдя из прачечной со стопкой чистого белья, как раз когда открывалась лестничная дверь, я чуть было не получила третий удар электрошокером. К счастью, я находилась достаточно далеко от Исабель, чтобы успеть бросить одежду и показать ей пустые руки, пока она не саданула в меня электричеством. Дважды испытав на себе действие злоеющего оружия, я без ее поучений уяснила правила: не подходить близко и никогда ничего не держать в руках, если Исабель заходит на этаж.

Когда мне позволили свободно ходить по второму этажу – «моей зоне», – я прихватила из класса карандаш, прикинув, что он может стать оружием, но потом отказалась от этой мысли. Также представлялось большой натяжкой, что я буду, как каратист, рубить кого-то пластиковой вешалкой. В своей комнате я выбрала один из романов: не «Холодный дом», который пугающе соответствовал ситуации, а «Крошку Доррит» того же Чарльза Диккенса, и на заднем форзаце начала вести учет дням, начиная с даты, когда встретила Талию, – 25 августа 2017 года.

В день, который ознаменовал неделю моего пребывания в доме, я проснулась от жужжания газонокосилки. Мгновение все казалось вполне нормальным. Август в Канзасе. Жарко и солнечно. Я перевернусь на бок и разбужу Райли и, если он не засиделся допоздна за игрой, возможно, уговорю его пойти завтракать в кафе «У Кози». После еды мы можем посидеть у бассейна, пока не пройдет самый изнурительный зной и не выползут остальные обитатели жилого комплекса. Я любила так проводить субботнее утро.

Потом я вспомнила, где я. В доме с запорами на дверях. Со строгими правилами. Делай, что тебе говорят, или сыграешь в ящик. Возвращай всю посуду. Никаких карманов. Исабель забрала мою личную одежду в стирку, и, когда вернула ее, в карманах брюк, которые на самом деле принадлежали мне, был отрезан низ. Если цель была в том, чтобы внушить мне чувство беспомощности, это сработало только наполовину. Дырявые карманы каждый раз напоминали мне, что нужно найти помощь. Я должна сбежать.

Встав с постели, я перешла по коридору в столовую. Газон перед домом косила не Исабель и не великан-мордворот, которого я видела лишь однажды, в первый вечер. Это был парень в бейсболке и клетчатой рубашке. Согласится ли он помочь мне? Когда он снова развернул машину к дому, я помахала ему. Он ответил тем же и продолжил работу.

Я вернулась в комнату, чтобы принять душ и одеться. Когда я была готова, газонокосилка переместилась на задний двор, как я и надеялась. Парень подстригал края огороженной лужайки, пробираясь под низко висящими ветвями двух больших елей. Когда он заглушил машину, чтобы удалить слабые ветки, я отперла оконный шпингалет и подняла нижнюю раму. Поскольку снаружи окна защищали решетки из кованого железа, вряд ли Они будут возражать против открытого окна.

– Бог в помощь! – крикнула я, выбрав это приветствие вместо «помогите». «Помощь» и «помогите» – однокоренные слова. – Я здесь, наверху! Здравствуйте!

Он повернулся и поднял голову. Увидев меня, снял бейсболку и улыбнулся. Светлые, подстриженные под бокс волосы примялись под кепкой. Я прикинула, что он примерно мой ровесник, максимум двадцать пять лет.

– Привет. Я Беатрис Медоуз. А кто вы?

– Салют, Беатрис. Я садовник.

Я не случайно назвала ему свое полное имя, а он явно не случайно вообще не назвал своего.

– Ты здесь живешь?

– Ага, над гаражом. – Он указал на юг, но я ничего не разглядела за деревьями. – Так что, не иначе будем видеться.

– Ты мне поможешь?

Он определенно хотел что-то сказать, но тут я услышала, как под моим окном открылась дверь.

– Уже заигрываешь с ней? – спросила Исабель.

– Просто болтаем, – ответил садовник.

– Твоя работа – стричь лужайку, а не болтать.

– Да брось, нельзя винить ее за то, что ей скучно, когда она заперта там, как Рапунцель.

Спина у меня похолодела, словно по ней пробежали пауки. Он знал, что я узница.

Через несколько минут Исабель сказала в интерком:

– Полагаю, ты готова завтракать.

– Косилка разбудила меня.

Ответа не последовало, но я пошла садиться за стол, поскольку обычно внезапное молчание означало, что она везет мой поднос.

Войдя в комнату, Исабель ничего не сказала, так что и я не раскрыла рта. Я уже знала, что она не любит, когда я ей улыбаюсь, или справляюсь, как у нее дела, или говорю «доброе утро». Фокусы – вот что она об этом думала, и отчасти была права, потому что попытки подружиться со своей тюремщицей не могут быть искренними. Проведя неделю в неволе, я выяснила, что стокгольмский синдром понимается совершенно неправильно. Он проявляется не в том, что ты начинаешь испытывать чувства к своему похитителю. Нет, ты начинаешь понимать: твое существование, выживание, счастье, безопасность, здоровье – абсолютно всё – зависит от того, насколько хорошо ты научился читать настроение человека, который держит тебя в плену. Я пыталась раскусить Исабель, изучить, что ее злит, как я могу если не расположить ее к себе, то хотя бы умерить враждебность. Я нуждалась в общении, а она была единственным человеком, с которым я контактировала.

– Его зовут Эйден. Он тебе не друг. И ничем не поможет. – Последнее слово прозвучало с презрением.

– Ладно. Спасибо за завтрак.

Это ей тоже не понравилось, однако я решила держаться вежливо, даже если она того не заслуживает. В душе я старалась быть столь же любезной, как с виду, но Исабель усложняла мне задачу. После ее ухода я сняла крышку с подноса. Яйца бенедикт, фруктовый салат и булочка с корицей. Без кофе. Я уже просила его и получила отказ, но в остальном еда была хорошей. Интересно, готовит ли Исабель на свой вкус или следует установленному меню. Но спрашивать я не собиралась. Как и садовник Эйден, Исабель не была мне другом. И не собиралась помогать мне.

Глава пятая

Спустя два дня, едва я легла спать, снаружи донеслись шорох затормозившей машины и мужская перебранка. Вскочив, я побежала в столовую, чтобы выглянуть в окно на передний двор. На подъездной дороге был припаркован черный джип. У заднего борта стояли двое мужчин, один из них – мордovorот, которого я видела в первую ночь. Второй был коротышкой, а значит, это не Эйден, а кто-то еще. Он курил, пока бугай доставал из багажника большую спортивную сумку.

Через несколько минут после того, как оба вошли в дом, на лестнице раздались голоса. Я метнулась в свою комнату и закрыла дверь. В коридоре раздался голос Исабель:

– Он воняет мочой.

– У него теперь есть няня, так что это не твоя проблема. – Еще один мордovorот. Его акцент отдаленно напоминал бостонский. Про себя я назвала его Лазло.

– Нехилая берлога. Вот как я собираюсь выбиться в люди. Меньше разъездов, больше бизнеса, – с усмешкой произнес другой мужчина. В его выговоре слышалось что-то восточно-европейское, но давно потускневшее. Я решила назвать его Густавом.

– Этот дом – помойка. А для бизнеса у тебя мозгов не хватит, – отрезала Исабель.

Обычно она два раза быстро стучала в дверь, но сейчас по ней шарахнули с такой силой, что запоры задребезжали. Я оцепенела, боясь выходить. Здесь, в отличие от всех других мест, где я бывала, неожиданное не просто пугало, а внушало ужас. Мне был известен только порядок приема пищи, а об остальном я не имела представления.

– Выходи, Трикси! – крикнула Исабель.

Когда я выглянула за дверь, трое тюремщиков сгрудились вокруг спортивной сумки. Исабель была в своем обычном наряде, а бугаи в одинаковых спортивных костюмах «Адидас», словно принимали участие в мафиозных олимпийских играх. Густав был лишь немногим выше меня и так бесстыже ошупал мою фигуру глубоко посаженными глазами, что я посетовала про себя, почему не передела пижаму.

Дело было не в том, что я не знала настоящих имен Лазло и Густава: я и не хотела их знать. Хотя Исабель била меня электрошокером, ее я не боялась, но эти двое внушали нешуточный страх. Под спортивными куртками я заметила очертания пистолетов.

– Отнеси это в соседнюю комнату. – Исабель указала пальцем, куда именно.

Лазло взял сумку и сделал, что было велено. Выйдя из комнаты, он остановился и посмотрел на меня.

– Беатрис, да? – спросил он, улыбаясь из-под густой щетины. – У нас не было возможности познакомиться, когда я тебя забирал. Меня...

– Закрой рот, – рявкнула на него Исабель. – У нее здесь другая работа.

Я старалась не думать о том, что это может быть за работа. Лазло еще какое-то время улыбался мне, словно мы мило перешучивались. Меня чуть не вырвало, когда я поняла, что он, скорее всего, заносил меня сюда без сознания. Затем, не говоря ни слова, он направился к лестнице, но Густав остался стоять, уставившись на меня, пока Исабель не шуганула его. Когда оба удалились, она сказала:

– Ну, вот твой ребенок. Судя по запаху, его нужно выкупать. Свежая одежда в его комнате.

– Мой ребенок? Что это... – Меня вдруг пронзило ужасное понимание того, что она имела в виду. – В сумке малыш? Они сунули ребенка в сумку? Он там...

Я хотела спросить, не задохнулся ли он там. Жив ли он. Но вместо этого рухнула на пол рядом с сумкой и дернула молнию, и оттуда ударил еще более густой запах рвоты и мочи. Внутри, свернувшись как цыпленок в яйце, лежал мальчик лет шести или семи. Влажные чер-

ные волосы прилипли ко лбу, на шее и вороте рубашки засохла кровь. Приложив руки к его щекам, я ощутила тепло. Задержав дыхание, я дождалась, пока ребенок начал делать вдохи и выдохи.

– Кто он? Откуда? – спросила я, стараясь говорить спокойно, чтобы Исабель не отмахнулась от меня, как от истерички.

– Не мое дело. И не твое. Хватит задавать вопросы, приступай к своим обязанностям.

Как только она ушла, я включила верхний свет и снова села на пол.

– Все хорошо, – произнесла я, пытаюсь подбодрить хотя бы себя.

Глаза у мальчика под веками слегка двигались из стороны в сторону. Он только притворился, будто спит.

– Привет. Меня зовут Беатрис. А тебя?

Он молчал, поэтому я повторила то же самое по-испански, по-французски, по-корейски и по-немецки. Потом на русском и на китайском языках, хоть и не представляла, что буду делать, если он ответит: два последних языка я изучала всего по семестру.

Наконец мальчик открыл глаза и заморгал, ослепленный светом.

Я потянулась к нему, намереваясь взять за руку, но он свернулся еще крепче, как будто ожидал удара. Я отпрянула, а потом снова наклонилась к нему, уже с большей осторожностью. Когда мальчик немного расслабился, я медленно протянула ему руку. Он принял ее, и я помогла ему встать. Теперь он стоял передо мной, дрожа и чуть не плача.

– Прости. Я не... я не знаю, почему ты здесь. Я даже не знаю, почему я сама здесь. Но я тебя не обижу. Хочешь принять ванну? Можешь помыться и переодеться в чистое.

Я повторила это еще на нескольких языках. Он не отвечал, но и не сопротивлялся. Я проводила его в ванную, которая была оформлена как зеркальное отражение моей: голубая плитка, зеленая сантехника, клетчатые сине-зелено-золотые обои.

Когда ванна наполнилась, я задумалась, как подступиться к задаче. Я никогда не купала ребенка и вообще понятия не имела, как быть няней. Мальчик раскачивался на месте и, кажется, не собирался мне помогать. Для начала я сняла с него грязную одежду и проверила кожу там, где были пятна крови. Все его тело покрывали синяки и ссадины, включая два лиловых следа на бедре. Кое-где кровь пропитала одежду насквозь, но ран в тех местах не было. Эта кровь принадлежала другому человеку. На ногах у него были только носки. Я свалила грязные вещи на полу возле ванны и перенесла ребенка в горячую мыльную воду. Он оказался тяжелее, чем я ожидала. Все время, пока я его мыла, он сидел оцепенев и смотрел на меня.

Закончив процедуру, я завернула его в полотенце и усадила на край кровати. Как и было обещано, в ящиках комода лежала новая чистая одежда со срезанными этикетками. Я выбрала темно-синюю пижаму с динозаврами и вдела вялые руки ребенка в рукава, а ноги в штанины.

Потом я засунула окровавленную одежду в спортивную сумку. На дне лежала нарядная мальчишеская туфля, три гильзы от пули и пропитанная кровью мятая газета. Я вынула ее и развернула. Она называлась «Excelsior» и была отпечатана в Мехико. Слева вверху значилось: «Lunes, 4 de septiembre de 2017». По моим подсчетам, понедельник 4 сентября наступил бы завтра. Наверно, я пропустила день, когда меня похитили. Или два дня?

Как бы то ни было, газета вышла в Мехико и попала туда, где я находилась. Доказательство от похитителей, что заложник жив? Родители получили фотографию своего окровавленного и до смерти напуганного ребенка рядом со свежей газетой? Сумку с грязной одеждой я отнесла в прачечную, а газету и гильзы спрятала в глубине своего стенового шкафа. Я не знала, какую пользу эти улики могут мне принести, но решила сохранить подтверждения того, что пришлось пережить мальчику.

Исабель, судя по всему, не собиралась приносить еду, поэтому я взяла из своей комнаты стаканчик с водой и остатки булочки со своего подноса. Мальчик съел булочку в три укуса

и осушил стаканчик. Под ногтями у него осталась засохшая кровь, которую мне не удалось отмыть.

– Tú vienes de México?¹ – попыталась я разговаривать с ним.

Он помотал головой. Может, он говорил по-испански, а может, просто узнал слово «México».

Я догадывалась, что мне полагается сделать дальше: уложить его спать и запереть дверь на засов. Я должна была стать его тюремщицей, как Исабель была моей. Но я не смогла. Не выключая света, как я сама поступила в первую ночь, я уложила ребенка в постель. Потом легла рядом и натянула на себя край одеяла.

– Знаю, ты напуган, – проговорила я. – И очень тебе сочувствую. Нам надо просто подчиниться правилам, и все будет хорошо.

Затем я повторила это на испанском, французском, корейском и немецком. Мальчик не ответил, но позже, когда я уже думала, что он заснул, прошептал:

– Soy Nestor.

– Te llamas Nestor?

– Sí.

– Encantada, Nestor. Soy Beatrice.

– Encantado, señora².

Больше мы не разговаривали, но я заснула с облегчением от мысли, что смогу с ним общаться.

Я проснулась оттого, что надо мной стояла Исабель, держа руку в кармане. Нестор спал, положив голову мне на руку. Я подняла другую руку, зная, что не могу защитить себя, но желая защитить хотя бы его.

– Тебе не полагается быть здесь. Ты должна спать в своей комнате, а он в своей. Иначе снова будешь сидеть под замком, – заявила Исабель.

– Мальчик вчера был напуган. Я не хотела оставлять его одного.

– Ладно, няня, но отныне каждый спит в своей комнате, не то я тебя запру.

– Хорошо.

Каждый день новое правило.

– Завтрак в столовой.

В тот день началось наше существование в строгом режиме.

Каждое утро Исабель будила меня через интерком. Не имея часов, я знала только, что наступило утро. Завтрак прибывал в кухонном лифте-подъемнике, встроенном в деревянный шкаф в столовой. Нестор, если его попросить, мог умыться и одеться самостоятельно, а после завтрака мы шли в класс.

В течение дня я изо всех сил старалась его отвлечь. Мы рисовали, играли с единственной имевшейся у нас колодой карт в «Старую деву» или «Рыбалку». Говорили в основном по-испански, но мальчик оставался замкнутым. Стоило ли удивляться: его похитили. Я была в постоянном напряжении, ожидая, что в любой миг явятся мордовороты, снова засунут Нестора в сумку и увезут. Для похищенного ребенка, рассуждала я, это будет счастливый исход: его родители заплатят выкуп, и он вернется домой. Но я не знала, что стало бы счастливым исходом для похищенной няни.

---

¹ Ты из Мексики? (*исп.*)

² Я Нестор. – Тебя зовут Нестор? – Да. – Приятно познакомиться, Нестор. А я Беатрис. – Приятно познакомиться, сеньора (*исп.*).

Днем мы занимались тем, что Нестор называл *calistenia*³. Чаще всего это означало йогу или танцы. В классе мы обнаружили старый переносной проигрыватель и несколько десятков пластинок, включая альбом «Битлз» и комплект из трех дисков под названием «Danza Folklorica de la Pampa Uruguaya»⁴. Под них мы танцевали милонгу и бачату. Даже без музыки я могла повторить свой первый танцевальный номер, который исполнила в старшей школе под песню «Свободные девчонки»⁵, выучив движения по видео на «Ютубе». Танцуя, мы ощущали нечто вроде счастья, которое, впрочем, никогда не длилось долго.

В другое время *calistenia* означала упражнения, которые мы разучили по книге, изданной для армии США в 1954 году. Бывало, что вместо этого мы бегали туда-сюда по коридору, пока Исабель не начинала орать в интерком. Она могла раздражаться сколько ей угодно, но нам требовалась физическая активность, а на улицу нас не пускали. Особенно когда через несколько недель дни стали короче и нам с Нестором нужно было достаточно утомиться к вечеру, чтобы заснуть. Но даже в этом случае сон не был гарантирован, поскольку нам обоим снились кошмары.

Нестор постоянно просыпался с криком «Auxilio!»⁶. Впервые услышав, как он зовет на помощь, я выскочила из кровати и побежала по коридору, решив, что с мальчиком что-то случилось. Он сидел в постели, бледный и дрожащий. Ему требовалась не помощь, а утешение.

– Хочешь рассказать мне, что произошло? – спросила я, но только через несколько ночей он решился открыться.

– Их расстреляли. Убили. – По-испански он использовал слово *asesinaron*, которое имеет оттенок «по заказу или по политическим мотивам».

– Кого?

Он помотал головой.

– Кого убили? – попыталась узнать я.

Его водителя и двух охранников – вот чья кровь впиталась в одежду Нестора. Троих мужчин застрелили прямо у него на глазах; они погибли, защищая его. Потом Нестора усыпили и сунули в сумку. Этот кошмар и будил его по ночам: стрельба, кровь, сумка. Я утешала мальчика как могла, одновременно понимая, что способна защитить его не лучше, чем двое специально обученных охранников.

Постепенно, по кусочкам, кошмар за кошмаром, я узнала, как Нестор оказался здесь. Я заключила, что он из состоятельной семьи – кто же будет похищать сына бедняков? Он учился в частной школе в Каракасе, и его отец работал на венесуэльское правительство. Это все, что знал Нестор: Рара́ работает на правительство. Я, насколько было возможно, восполняла пробелы в истории, но не могла понять, почему похищение тянется так долго. Почему за Нестора до сих пор не заплатили выкуп?

Однажды ночью в октябре, когда Исабель разбудила меня, я, кажется, получила ответ.

– Подними мальчишку и одень в костюм, – велела она через интерком.

– Зачем? – Сердце яростно заколотилось: я не была готова к новым событиям.

– Тебя это не касается.

Мне хотелось закричать: «Как же не касается, когда это моя жизнь? Я ведь тоже здесь!» – но я не произнесла ни слова.

«Закрой рот и делай, что тебе говорят», – твердил мой отец. Взрослым он внушал то же самое в более дипломатичных выражениях, но я была ребенком, и со мной он не церемонился. Как и Исабель. В некотором смысле к этой ситуации меня готовили с самого детства. Я умела

---

³ Калистеника (*исп.*), вид гимнастики.

⁴ Народные танцы уругвайской пампы (*исп.*).

⁵ Single Ladies (Put a Ring on It) – песня в исполнении Бейонсе.

⁶ На помощь! (*исп.*)

молчать и подчиняться правилам, но боялась неизвестного. Перемена в нашем с Нестором режиме могла означать что угодно. Но я на сто процентов была уверена, что эта неизвестность не сулит ничего хорошего.

Глава шестая

Одевшись и успокоившись, я пошла к Нестору в комнату и разбудила его.

– Уже утро? – спросил он.

– Нет, но Исабель велела нам одеться. Наверно, мы куда-нибудь поедем. – Я говорила «нам» и «мы», чтобы не слишком пугать подопечного, чтобы он не чувствовал себя одиноко. Будь моя воля, я поехала бы с ним куда угодно.

Темно-синий костюм покроем напоминал школьную форму. Он висел в шкафу в комнате Нестора со времени его приезда, но мальчик никогда его не надевал: костюм был великоват. Когда Нестор оделся, я протерла ему лицо мокрой салфеткой, причесала и надела галстук. Как только мы подошли к двери лестницы, Исабель открыла ее.

Впервые ступив на площадку, я увидела, для чего предназначалась камера слежения в коридоре. На стене с внешней стороны был установлен небольшой черно-белый монитор, чтобы Исабель могла видеть нас, прежде чем откроет дверь.

Когда мы спускались по ступенькам, Нестор заплакал. Мне тоже хотелось плакать, поскольку я не знала, к чему готовиться. Лестница вела в длинное, выложенное плиткой фойе, где нас ждали мордороты. Нестор вцепился мне в руку и попытался спрятаться за меня, а я не знала, чего боюсь больше: веселой улыбки Лазло или акульих глаз Густава.

Исабель привела нас в сдержанно оформленную столовую с пустыми буфетами, длинным столом и стульями с высокими спинками. Как только мы вошли, она закрыла тяжелую раздвижную дверь. На мгновение мы оказались отделены от мордоротов. На одном конце стола стоял ноутбук, и Исабель усадила перед ним Нестора. Сама она села на стул справа от него, а я без приказа села слева, чуть в стороне.

– Тебя не должны ни видеть, ни слышать, – рявкнула мне Исабель. – Ты меня хорошо поняла?

Я кивнула. Она нажала несколько клавиш на ноутбуке, и на экране появился одетый в костюм мужчина с темными волосами, сидящими на висках. В правом верхнем углу находился серый квадрат с силуэтом человека.

– Как обещали, – произнес неизвестный голос позади пустого квадрата.

– Нестор! *Hijo!*⁷ – воскликнул мужчина в костюме.

– *Padre!* – Нестор, который только что успокоился, снова заплакал.

– *Como estas? Estas bien? Estas a salvo?* – Отец Нестора тоже боролся со слезами.

– *Sí, Padre.*

– *Tú ves bien. Te ves saludable. Tú estás comiendo bien?*

– *Sí, Padre. Y...*⁸ Я говорю по-английски с Беа...

Исабель нажала на кнопку выключения звука и покачала головой. Нестор нервно сглотнул.

– *Tutora*⁹. Твоей учительницей, – шепнула я. Испанское слово «няня» выпало у меня из головы.

Когда Исабель выключила звук, отец Нестора нахмурился. Я кивнула мальчику, чтобы он продолжал.

– Я... Я учу английский с твоей... моей учительницей.

---

⁷ Сын (исп.).

⁸ Как ты? Все хорошо? Ты в безопасности? – Да, папа. – Выглядишь хорошо. Вид у тебя здоровый. Тебя хорошо кормят? – Да, папа. И... (исп.)

⁹ Наставница (исп.).

– Это хорошо. Молодец, что усердно занимаешься. – Отец Нестора без труда перешел на английский. – Какая она, твоя учительница?

– Она добрая. У меня уютная комната. У нас есть книги.

– Что ты ел сегодня на завтрак?

– Мы не едим завтрак *todavía*¹⁰.

– *Y para cenar anoche?*¹¹

Он хочет определить, в какой временной зоне мы находимся? Я-то точно хочу.

– Курица с картошкой и овощами, – сказал Нестор. Он все еще не отводил глаз от Исабель. Боялся.

– *Bueno. Muy saludable. Estoy tan orgulloso de ti.*

– *Pará, cuando...*

– *Satisfecho, señor ministro?*¹² – спросил неизвестный голос.

Господин министр?

– Да, но прошу вас, трубопровод не...

– Давайте обсудим это без посторонних.

– *Te amo, Nestor*, – произнес министр. – *No será mucho más. Pronto, mi hijo. Prometo.*

– *Te amo, Pará*, – сквозь слезы проговорил Нестор. – *Amo Mamá y Sophia y Tío Ronaldo.*

– *Por favor...*¹³ – Не знаю, о чем я хотела умолять, но экран уже потух: обладатель неизвестного голоса прервал связь.

Исабель захлопнула ноутбук, а Нестор зарыдал. Теперь, когда мне не нужно было прятаться, я пересадила его к себе на колени, и он прижал голову к моей груди.

– Я велела тебе держать рот на замке. Только попробуй еще раз такое отмочить, – пригрозила Исабель.

Не вынимая одной руки из кармана, другой она постучала мне по лбу, словно в дверь.

– Не думай, – добавила она, – что я не шарахну тебя током, потому что ты держишь Нестора на руках. Теперь марш наверх.

– Он же ребенок. Неужели вы не видите, что он напуган?

– Мне плевать. – Она недовольно поджала губы, но прочитать выражение ее глаз было труднее. Сочувствует ли она Нестору?

– Пожалуйста, дайте нам перекусить. Хотя бы теплого молока.

Она злобно зыркнула на меня, но пожала плечами и сказала:

– Ладно. Пришлю что-нибудь.

Как только мы вошли в дверь второго этажа, Исабель захлопнула ее и заперла. Я отвела Нестора в его комнату и помогла снять костюм. Когда мальчик переоделся в пижаму, я притянула его к себе и утешительно похлопала по спине. Он доверчиво прильнул ко мне, и это напугало меня не меньше неизвестности. Я была здесь для него единственным близким человеком.

– Хочу к маме, – пробормотал он, переходя на испанский. – Когда я увижу маму?

– Не знаю. Хотела бы я знать.

Словно из самой глубины груди у него вырвалось рыдание. Мне была знакома тоска мальчика.

– *Mamá.*

– Я тоже потеряла маму, когда была немногим старше тебя, – сказала я. Я не могла его утешить, но хотела показать, что он не один.

Мальчик, притихнув, слушал.

---

¹⁰ Еще (*исп.*).

¹¹ А вчера вечером на ужин? (*исп.*)

¹² Хорошо. Очень полезно. Я очень горжусь тобой. – Папа, когда... – Удовлетворены, сеньор министр?

¹³ Я люблю тебя, Нестор... Это ненадолго. Скоро, сынок. Обещаю. – Я люблю тебя, папа... И маму, и Софию, и дядю Рональдо. – Прошу вас... (*исп.*)

– Мне пришлось жить с чужими людьми. Так что я понимаю, как страшно быть в незнакомом месте с теми, кого ты не знаешь.

– Но тебе удалось снова увидеть маму?

Я так громко сглотнула, что он наверняка услышал. Я выбрала неправильные слова? Или такое иносказание не используется в испанском? Нет, просто Нестор был еще маленьким и не понимал: фраза «потерял кого-то» означает, что человек умер. Я не могла сказать ребенку правду. Это было ни к чему.

– Да! Конечно, – солгала я, но горло перехватили слезы. – И ты тоже вернешься домой к своей семье. И снова увидишь маму.

Вообще говоря, я действительно снова увидела маму. После того как меня отдали в службу опеки, мама металась между приютом и больницей, пока местный хоспис не согласился принять ее. Дважды приемная мать возила меня повидаться с ней: один раз в парке возле приюта, другой – в хосписе. Следующую встречу пришлось перенести, потому что состоялся суд по поводу одного из других приемных детей. А до новой встречи мама не дожила. В этом никто не был виноват, но Нестору я такое рассказать не могла. Ему нужна была упрямая надежда, а не скорбь, которая впиталась в меня, как сигаретный дым в волосы.

Шум подъемника в столовой избавил меня от необходимости подбирать слова. Исабель не сразу прислала еду, потому что грела молоко, чтобы подать его с покупным печеньем. Может, она и не настолько бессердечна, как кажется. За столом мы с Нестором молчали, и, когда ребенок закончил есть, я отвела его в комнату и уложила в постель. Будь моя воля, я осталась бы с ним, но не осмелилась рисковать и давать Исабель повод для гнева.

Вернувшись к себе в комнату, я взяла экземпляр «Крошки Доррит», в котором вела календарь, и сделала несколько новых заметок на полях страниц. Раньше я уже записала все, что поведал мне Нестор, – где он жил, имена его родителей, – но сейчас присовокупила обращение «господин министр» к его отцу. Значит ли это, что он министр правительства Венесуэлы? Он сказал «трубопровод не...». Что «не»? Венесуэла добывает нефть, так что, возможно, речь идет о нефтяном трубопроводе. Может, выкуп как-то связан с этим? Я всегда думала, что выкуп платят деньгами, но, если кто-то похищает сына могущественного и влиятельного человека, полагаю, выкупом может стать использование этого могущества и влияния для собственной выгоды. Тогда история получится долгая, и заложника будут держать длительное время, периодически предоставляя доказательства его жизни. Видимо, министру станут устраивать разговор с сыном каждый раз, когда он должен что-то для Них сделать. В качестве награды или мотивации.

«Pronto», – сказал отец Нестора. Скоро. Ребенок находился в доме уже два месяца, так что же означает «скоро»? Когда его вернут домой? И что после этого случится со мной?

Через несколько дней после первого звонка нас отвели днем в гостиную на первом этаже, чтобы сфотографировать Нестора в костюме. На минуту Исабель приколотла ему на пиджак какую-то нашивку, и на снимке его наряд выглядел как школьная форма.

Фотографии, как я предполагала, предназначались для семьи Нестора, чтобы поддерживать легенду, будто мальчик учится в школе-интернате, а не взят в заложники. Узнай кто-нибудь правду, его отец наверняка лишится своего поста, а вместе с ним и власти. А тогда какая участь ждет Нестора? Трудно представить, каково это – когда у тебя похитили сына и принуждают играть роль довольного отца. Прикрывать людей, которые тебя шантажируют. В каком бы аду я ни жила, судьба, по крайней мере, уберегла меня от такого несчастья.

Глава седьмая

Отец Нестора продолжал твердить: «Скоро». То же самое обещание он дал, когда ему устроили разговор с сыном в ноябре. На третий раз, в декабре, я перестала верить в «скоро», и мир омрачился еще больше. На следующее утро я, не обращая внимания на сигналы кухонного подъемника, стояла у окна в своей комнате и смотрела на тонкий слой снега, покрывший задний двор. Я находилась в плену с лета, а уже пришла зима.

Я думала об Аманде, однокласснице, у которой не было пальто. На переменах она стояла у стены школы, дрожа от холода. Я знала, что она из бедной семьи. У нее вечно не было денег на экскурсии, а пахло от нее сигаретами и грязным бельем. И все же мне казалось, что пальто есть у всех. Даже у бедняков.

– Ты замерзла? Где твоё пальто? – спросила я Аманду.

– После школы иду в элитный бутик, чтобы купить его.

– Вот как. Я не знала.

– Ну и дура, – бросила она, раздраженная моей неосведомленностью. – Кроме того, лучше мерзнуть, чем одеваться в ширпотреб, как ты.

Вообще-то мое пальто было из хорошего магазина в торговом центре, но я уразумела суть оскорбления и в долгу не осталась: толкнула Аманду в сугроб, пока учительница не видела. Оказалось, однако, что учительница как раз все видела, и меня на день отстранили от занятий. Маме пришлось отпроситься с работы и приехать в школу забирать меня.

В свое оправдание я рассказала, что Аманда издевалась над моей одеждой и надо мной самой.

– А ты не подумала, почему у нее нет пальто? – спросила мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.